

Послание друзьям... из мира тишины

Умер поэт Анатолий Кобенков. Сколько раз приходилось писать о нем при жизни и по поводу жизни — вышла ли книжка, случился ли юбилей; а то он привез к нам свой очередной фестиваль поэзии или устроил в Иркутске выездной круглый стол по проблемам толстых литературных журналов... Но как говорить о нем словами «был», «писал», «говорил»?!

Полтора года назад Анатолий Кобенков перебрался с семьей в Москву — там когда-то учился в Литинституте, там были друзья и однокашники, туда уводили душевные и духовные связи. Может быть, тесновато стало в Иркутске... Одним словом, перебрался, — но для иркутян остался по-прежнему своим. Иркутянином его многие считали и тогда, когда он жил еще в Ангарске, а уж переехав в областной центр, он стал своим и подавно. Да и сделал для Иркутска очень много. Он работал в журналистике — несколько лет в «Молодежке», потом — в толстой газете «Зеленая лампа», посвященной культуре; он вел авторскую передачу на телевидении; он консультировал молодых в Союзе писателей...

Кстати, о союзах. Когда-то он вступал в общий — Союз писателей СССР. После раскола в рядах собратьев ему ближе оказался союз «евтушенковский» (СРП), и вскоре он возглавил в Иркутске организацию Союза российских писателей. Для нее, для своей организации, он выходил у городской администрации Дом литераторов, который отремонтировал, привел в рабочее состояние, навел в нем уют. Там стали собираться иркутские литераторы для своей работы — обсуждали рукописи и книги, проводили выставки иркутских художников, здесь работали над альманахом «Иркутское время», здесь принимали гостей — участников круглых столов, поэтов, прилетавших на им же придуманный и организуемый ежегодно фестиваль поэзии на Байкале...

Но отношения с Иркутском при всем том не были безоблачными. Горько сегодня об этом говорить, но находились здесь люди (впрочем, судя по нелюдским поступкам, скорее нелюди), способные написать (!) и анонимно опубликовать (!) некролог на него, живущего и работающего поэта. В чем была его вина? Все просто: всегда были и есть серые Сальери, которые не прощают другим таланта. И ему этот «грех» простить не могли. А у Кобенкова было еще одно «слабое место». Сегодня, когда еврейский вопрос раздувают на пустом месте, быть человеком этой национальности — уже проступок...

Он болезненно переживал такие выверты, понимая, что ответом на подобное может быть только его невозмутимость и — работа, работа, работа. То есть — поэзия.

И он работал, находя на это и время, и душевные силы, и выпустил двенадцать книг, каждая из которых достойна отдельного разговора. Он оставался Поэтом милостью Божией, и попадать под обаяние его музыки — это настоящее читательское счастье.

Работал, — но, как он сам признавался, не мог порою не чувствовать себя чужим в родном городе, одиноким — среди многочисленных друзей и поклонников. Может быть, такова вообще природа поэта — идти в мир с обнаженным сердцем, даже когда чувствуешь, как в эту обнаженность летят грязные камни. И писал он, храня в душе и эту любовь, и эту боль. Писал — о друзьях и одиночестве, о маме и безвестном парикмахере, о муравье и овраге, о жизни и смерти, — с легкостью превращая каждую тему в большую и значительную, делая каждое живое существо не только центром своего внимания, но и центром Вселенной. Он много думал о душе и о смерти, о божественном в человеке и о Боге, непостижимом для человека... Вслед за ним и мы, это читающие, приподнимаемся над суетой и становимся как минимум добрее.

Да, его книги мы будем читать и читать, воспринимая стихи как диалог с другом, ушедшим в тишину... Ушедшим навсегда.

Прости нас, Толя...

Любовь Сухаревская

Строка, уставшая от странствий

Послание друзьям

Летят года, торопятся...

Увы,
растут долги — попробуй рассчитаться...
Друзья мои, мне помнится, что вы
умели жить, и плакать, и смеяться...

В который раз нам желтый лист кружит,
в который — соловьи отголосили?

Так юность далека,

что кутежи

нам даже жены верные простили —
куда она, с кем песенки поет
в каких краях печали рифмой лечит?

Уже мой семилетний обормот
не верит в то, что были вы беспечны...

Я помню, как ходили вы вразнос,
бледны от голода и общежитских шумов,
как вы любили,

думая всерьез

о том,

о чем забыли нынче думать...

Друзья мои, как труден наш союз
в середине дня на первом перевале!

Молюсь земле,

кузнечикам молюсь,

чтобы они о вас не забывали,

стучусь в деревья,

кланяюсь ручью,

далеким звездам и дорожной пыли...

Ни долгих дней,

ни славы не хочу —

хочу, чтобы о вас не позабыли...

В полночный час сойдемся за столом,
махнем на годы и вина пригубим...

Давайте будем счастливы потом,
когда несчастных рядышком не будет,

давайте будем молоды сейчас,

сейчас — бездомны

и сейчас — пристрастны,

хотя бы потому,

что после нас

земле и людям стоит быть прекрасней,

Хотя бы потому,

что наш успех

придет не так,

как мы того желали

в начале дня,

чтоб досчитаться всех

в середине дня на первом перевале...

* * *

Тонко-тонко пахнет подорожник, —
ночью дождик раны врачевал,
подходил к палатке осторожно,

ни одной ромашки не примял;
ночью птицы нехотя молчали,
комары просились на постой...
Жизнь моя с любыми мелочами
показалась доброй и простой...

Что бы мне друзья ни говорили,
чем бы свое сердце ни обжег, —
я подумал:

зря мне подарили
острый нож
и меткое ружье.

Кто обидит:

островок в тумане,

Камень, покотившийся в Байкал?

Или ты, кузнечик,

что в кармане

у меня всю ночьку ночевал?

* * *

Зимой, весной, осенью и летом

Я вас любил.

Вы помните об этом?

Я приносил вам самый первый снег,
который таял на ресницах ваших,
а если вам ночами было страшно,
я вместе с ним являлся к вам во сне.

Зимой, весной, осенью и летом

Я к вам спешил.

Вы помните об этом?

Я приносил багул вам по весне,
и ваши стены розовыми были,
а если вы кого-нибудь любили,
я вместе с ним являлся к вам во сне —
зимой, весной, осенью и летом
я вас любил.

Вы знаете об этом.

Я стал цветком, засохшим на окне,
листочком, истлевшим в книжке позабытой,
и, может быть, поэтому сердитым
я всякий раз являюсь к вам во сне
зимой, весной, осенью и летом...

Я не устал.

Не думайте об этом.

Прощание с оврагом

Я — Анатолий, ты — овраг,

а те, кто

нас разлучат, не ведая о том,
что мы друзья —

Прораб и Архитектор,

Какой-то ЖЭК и некто Управдом...

И грянут свадьбы, захлебнутся тризны,
вздыхнут борщи, срифмуются тела

над корочкой, что мыши не догрызли,
над лебедой, что тьму не допила...

Над тенью света, сетью краснотала,
Моноклем филина и кашлем мотылька
Взойдут дома, распустятся кварталы,
Опустится всеобщая рука

на перышко, пропахшее скворешней,
на старые — из детства — корабли
и на тебя,
 единственно безгрешный
мой родственник по линии земли...

* * *

И ты меня переживешь,
мой ангел,
 а пока
переживи со мною дождь,
дорогу, облака,
сирень, которая цветет,
а завтра отцветет,
свирель, которая поет,
а завтра отпоет,
и смерть,
 которая придет
и к деду ответит...

Переживи меня, мой друг,
не покидай, мой друг,
ни первый луч, ни дальний луг,
ни предвечерний звук...

Ты рядом, но уже сейчас
я говорю: любил, —
чтоб свет, которому без нас
и белый свет не мил,
светил тебе и в дальний час,
как час назад светил...

* * *

Все на свете остается —
ты уйдешь,
 но не уйдут
ни деревья, ни колодцы.
Что во тьме тебя найдут.

Ты и мнишь себя счастливым
оттого,
 что все твое
остается —
 и крапива,
и ожоги от нее...

* * *

Спасибо лесу
за то, что — лес,
лосю — за то, что лось...
нравится мне,

что для этих мест
трактора не нашлось...
и там — тишина, и здесь — тишина,
залежи тишины!
И коли не трогает их страна,

Они для нее важны —
Спасибо!
 За небо, что над рекой
возится в камыше,
за то, что трубке моей
 легко
дышится в шалаше...

Все, что надобно, — под рукой,
рядышком,
 при душе...

* * *

Только подумаю, что со мной случилось, —
разом полынь на губах:
все, чем я мыслил себя, пораспалось
в урночках или гробах...

Комья на крышках, звезды на крышах... —
Вот вам и весь матерьял
жизни, что трогал, правды, что слышал,
радости, что растерял...

Стансы

После грома развилка горчит грибами,
после гама — воздух — твоими губами
переслащен, но солон... После семи
хорошо прикладываться стихами
или к долу, который забит гробами,
или к дому, который набит детьми.

После блуда не стоит тревожить Бога
ни молитвой, ни дойной или эклогой —
придержи для ада свое добро...
Жизнь танцует от печки, а смерть — от порога,
но у той и этой саднит дорога
под лопаткой, притом, что и лес — в ребро.

После долгой жизни: что брус, что никель —
все равно; плевать, за какой стеной —
земляной иль глиняной — кто вас кликал,
над какую люлькой взошла грустника,
из какой — ей встречь — поднялась болика
и какая прет из тебя брусника,
затыкая губы твои тишиной...

Автор: Артур Скальский © Байкальские Вести IT`S MY LIFE..., ИРКУТСК 👁 5600 14.09.2006, 13:06 📌 177
URL: <https://babr24.com/?ADE=32641> Bytes: 10152 / 9437 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)